

Научная статья

УДК 159.97

DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-1-43-54

Особенности саморегуляции у молодых людей с высокой социальной тревожностью

**Анастасия Игоревна Перевозник¹
Юлия Викторовна Сарычева²
Елена Алексеевна Дорошева³**

^{1,2}Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия

³Новосибирский государственный университет,
Научно-исследовательский институт медицины и нейронаук
Новосибирск, Россия

¹nastyaandnata@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6786-1513>

²julia_sar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2402-9345>

³elena.dorosheva@mail.ru

Аннотация

Исследованы особенности саморегуляции поведения и управления эмоциями в структуре эмоционального интеллекта у молодых людей 18–22 лет с высокой тревожностью (17 респондентов) в сравнении с молодыми людьми с умеренной социальной тревожностью (18 респондентов). Респонденты с высокой социальной тревожностью имеют меньшую гибкость саморегуляции поведения и возможность управлять эмоциями, но большее программирование поведения. Они не отмечают уменьшения понимания своих и чужих эмоций, что может указывать на связь социальной тревоги с дефицитом возможности подстраивать поведение под конкретные условия, снижением адаптивных стратегий регуляции своих и чужих аффективных состояний при сохранении и даже увеличении внимания к ним, но не со сниженной возможностью понимания эмоционального компонента коммуникации.

Ключевые слова

социальная тревожность, саморегуляция поведения, управление эмоциями, эмоциональный интеллект, молодые люди

Источник финансирования

Работа подготовлена в ходе выполнения госзадания НИИИМ, регистрационный номер ЦИТиС 122042700001-9.

© Перевозник А. И., Сарычева Ю. В., Дорошева Е. А., 2023

Для цитирования

Перевозник А. И., Сарычева Ю. В., Доросхева Е. А. Особенности саморегуляции у молодых людей с социальной тревожностью // *Reflexio*. 2023. Т. 16, № 1. С. 43–54. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-1-43-54

Features of Self-Regulation in Young People with High Social Anxiety

Anastasiya I. Perevoznik¹, Yulia V. Sarycheva²,
Elena A. Dorosheva³

^{1,2}Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation

³Novosibirsk State University, Scientific Research Institute
of Neurosciences and Medicine
Novosibirsk, Russian Federation

¹nastyaaandnata@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6786-1513>

²julia_sar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2402-9345>

³elena.dorosheva@mail.ru

Abstract

The features of self-regulation of behavior and emotion management in the structure of emotional intelligence in 18-22 year old young people with high anxiety (17 respondents) compared to young people with moderate social anxiety (18 respondents) were investigated. Respondents with high social anxiety have less flexibility in self-regulation of behavior and ability to manage emotions, but more programming of behavior. They do not note a decrease in understanding their own and other people's emotions, which may indicate a connection of social anxiety with deficit in ability to trim behavior under specific conditions and decrease in adaptive strategies for regulating their own and other people's affective states, or even an increase in attention to them, but not with reduced ability to understand the emotional component of communication.

Key words

Social anxiety, self-regulation of behavior, emotion management, emotional intelligence, young people

Funding

The work was performed in accordance with the state research contract by Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine, CITiS registration number: 122042700001-9.

For citation

Perevoznik A. I., Sarycheva Yu. V., Dorosheva E. A. Features of self-regulation in young people with high social anxiety. *Reflexio*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 43–54. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-1-43-54

Страх и тревога в соответствующем контексте являются адаптивными, однако в ряде случаев приводят к дезадаптации, в том числе в условиях соци-

ального взаимодействия [Никитина, Холмогорова, 2010]. Феномен социальной тревожности в настоящее время все чаще становится предметом эмпирических исследований в зарубежной и отечественной клинической психологии, при этом отечественных исследований социальной тревожности немного [Прилепских, 2019].

Первоначально исследования велись в рамках изучения социофобии. В 1846 L. Casper описал «эрейтофобию» (также получившую название «синдром Каспера») как страх покраснеть в присутствии посторонних. Концепция социофобии принята в начале восьмидесятых годов в DSM-III. В исследованиях канадских ученых социальная фобия определена как хроническое, нарушающее жизнь пациентов явление. В настоящее время социальная фобия по МКБ-10 определяется как боязнь пристального внимания со стороны других людей, ведущая к избеганию социальных ситуаций. Согласно классификации DSM-V, социальная фобия – это страх и беспокойство о том, что человек подвергается воздействию в определенных социальных или производственных ситуациях, которые пациент избегает или переносит с выраженной тревогой.

На первое место выходит страх смущения или унижения при необходимости соответствовать ожиданиям или вниманию со стороны других при взаимодействии (боязнь выполнять что-либо под чьим-то наблюдением). Характерен страх общественных действий (публичные выступления, страх общения с незнакомыми людьми, принятие пищи с другими людьми, подписание документов перед свидетелями, использование общественных уборных). Беспокоят вегетативные симптомы (потливость, покраснение лица, рвота, дрожь в голосе) и плохой контроль мыслей, трудно найти подходящие слова в разговоре. В целом характерен страх быть в центре внимания, а вторично страх негативной оценки со стороны окружающих людей [Мякотин, 2017]. Длительный опыт стресса и попытки его предотвратить несут серьезные последствия для функционирования в социальной, межличностной и профессиональной сферах жизни [Stravynski, Bond, 2004].

Социальная фобия может проявляться и в молодом возрасте, однако чаще в ситуациях, связанных с обучением, поступлением в учебные заведения, трудоустройством, формированием романтических и семейных союзов, проявляется социальная тревога. Позже часть социально тревожных людей адаптируется, остальные приобретают социальную фобию [Сагалакова, Труевцев, 2007].

Кларк и Уэллс (1995) предполагают, что симптомы тревоги вместе со стратегиями ее преодоления могут стать пугающими, что запускает порочный круг, поддерживающий расстройство. Например, люди с социальной тревогой и социальной фобией предполагают, что другие негативно оценивают видимые признаки тревоги (например, кто-то увидит покраснение лица или дрожь и подумает, что я странный) [Spurr, Stopa, 2001].

Предполагается, что в основе возникновения социальной тревоги есть генетическая предрасположенность [Coupland, 2001]. Биологическая модель предполагает связь с дисфункцией систем, включающих в себя серотонин, норадреналин, ГАМК и дофамин. В когнитивной модели описывается, что социальная фобия возникает вследствие искаженного восприятия себя (как глупого/нелепого) и окружающих (угрожающих/насмешливых), что является ранней дезадаптивной схемой [Прашко, 2015].

С точки зрения психоаналитического подхода формирование такого нарушения связана с ранним травматическим опытом. Для социально тревожных людей и пациентов с социофобией характерны чувство стыда (бессознательное желание быть в центре внимания), чувство вины (бессознательное желание устранить конкурентов) и сепарационная тревога (амбивалентность стремления к автономии и страха потери любви значимых других) [Gabbard, 1992]. Социальная тревога возникает при соединении чувств стыда и общей тревоги, что связано с тенденцией к постоянной критике за совершаемые ошибки, неизбежные в жизни и фокусировке внимания на отрицательных оценках личности ребенка, что приводит к интернализации убеждения ребенка, что он хуже других [Короленко, 2021]. Для человека с социальной тревогой критические оценки проецируются внутрь, где он «видит» себя и подвергает осуждению индивидуальные особенности [Helsei, 2005].

О. В. Сагалакова выдвигает утверждение о том, что социальная тревожность в силу интерпретации даже нейтральных стимулов как опасных может приводить к нарушениям внимания и снижению произвольной регуляции деятельности, а нарастающие дисфункции саморегуляции приводят к получению негативной обратной связи и к дальнейшему росту тревоги. Она утверждает, что сформированная система регуляции, с одной стороны, гибко подстраивается в отношении особенностей оценочных ситуаций, с другой стороны, проявляет устойчивость, в которой происходят возвращения в разных внешних ситуациях с отрицательными социальными влияниями. Неустойчивость системы произвольной регуляции может приводить к тому, что в субъективно значимой социальной ситуации человек начинает прибегать к дезадаптивным, в долгосрочной перспективе, формам регуляции, таким как избегание, обесценивание, употребление алкоголя или наркотических веществ, сверхконтроль и т. д. [Сагалакова, 2014]. Смещение у людей с высоким уровнем социальной тревожности мотива достижения, успешной самореализации в ситуациях оценивания и мотива избегания, сопряженного с тревогой и страхом оценивания, приводит к дополнительно возникающим проблемам эмоционально-волевой сферы [Сагалакова, Труевцев, 2013].

В то время как дальнейшие исследования саморегуляционного аспекта психического функционирования у людей с высокой социальной тревожностью и с социофобиями постулируются как необходимые для изучения механизмов формирования этих особенностей и для проведения коррекционной работы, исследования в этой области остаются немногочисленными, а их ре-

зультаты – достаточно противоречивыми [Сагалакова, 2014; Никитина, 2014]. Особый интерес представляет собой период молодости, когда, выходя в самостоятельную жизнь, юноши и девушки сталкиваются с необходимостью выстраивать коммуникацию в разных сферах жизни, опираясь на свои собственные ресурсы, и проблема социальной тревожности встает довольно остро.

Целью данной работы явилось исследование взаимосвязи социальной тревожности с разными аспектами саморегуляции поведения и управлением эмоциями в структуре общего эмоционального интеллекта. Мы предположили, что основной особенностью регуляции, связанной с социальной тревожностью, является снижение гибкости саморегуляции и моделирования поведения, возможности оперативной подстройки его к разным условиям, а также снижение возможности управлять своими и чужими эмоциями.

Материалы и методы исследования

Выборку составили студенты 3 и 4-го курса специальности клинической психологии, обучающихся в ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный медицинский университет», 35 человек (8 юношей и 27 девушек), в возрасте от 18 до 22 лет, средний возраст – 20,1 года. Для выделения групп использовали опросник социальной тревоги и социофобии [Сагалакова, Труевцев, 2012].

Первая включила 17 респондентов с высокой социальной тревожностью и признаками социальной фобии различной степени выраженности (более 40 баллов по шкале «Общая выраженность социальной тревоги или социофобии»), вторая – 18 испытуемых с умеренной и низкой социальной тревожностью (менее 40 баллов по данной шкале).

Для изучения эмоционально-волевой сферы использовались: опросник «Стиль саморегуляции поведения» [Моросанова, 2004], тест эмоционального интеллекта [Люсин, 2006]. Статистическая обработка проводилась с использованием статистического пакета STATISTICA 10.0. Для сравнения показателей групп применяли *U*-критерий Манна – Уитни. Для выявления корреляционных связей компонентов социальной тревоги с особенностями саморегуляции использовали коэффициент корреляции Ч. Спирмена.

Результаты и обсуждение

Сравнение компонентов саморегуляции поведения, как мы и ожидали, показало, что у молодых людей с высоким уровнем социальной фобии показатели регуляторной гибкости значимо ниже, а показатели программирования поведения – выше, чем у молодых людей с низким и умеренным уровнем фобии (рис. 1). Можно предполагать, что регуляторная гибкость может снижать социальную тревожность, давая возможности хорошей адаптации, гибких и уверенных реакций в меняющихся ситуациях; в своем формировании зависит от набора опыта, в том числе социальных взаимодействий; понижаясь у людей с высокой социальной тревожностью, провоцирует использование

непродуктивных способов совладания со стрессом, что ведет к дальнейшему нарастанию тревоги. Увеличивающееся программирование поведения говорит о тщательном продумывании своих действий у молодых людей с социальной тревожностью, что может быть связано со стремлением проконтролировать потенциальные нежелательные социальные ситуации. О. В. Сагалакова указывает на связь склонности к руминациям и социальной тревожности; можно предположить, что обдумывание прошлых ситуаций в попытке ретроспективно найти подходящий вариант развития событий и мысли о будущих социальных взаимодействиях может составлять содержание навязчивых мыслей и отражаться в усиливающем программировании поведения [Сагалакова, Труевцев, 2013].

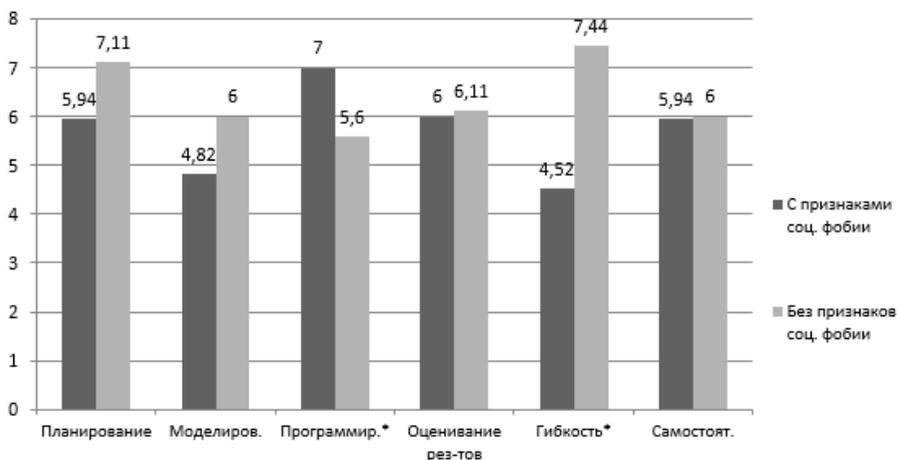

Рис. 1. Средние значения компонентов саморегуляции поведения у молодых людей с низкой и умеренной и с высокой социальной тревогой.

* $p < 0,05$.

Показатели эмоционального интеллекта в группе с высокой социальной тревожностью значимо ниже по шкалам «Внутриличностный эмоциональный интеллект», «Межличностный эмоциональный интеллект» и «Управление эмоциями»; первые два показателя снижаются за счет последнего (рис. 2). Значимых различий в уровне понимания эмоций в группах не выявлено. Таким образом, как и ожидалось, социальная тревога связана со снижением оценки своих способностей управлять своими и чужими эмоциями, дефицитом средств регуляции своего эмоционального состояния и воздействия на состояние других людей. Существующие исследования в данной области весьма противоречивы. Так, в одном из крупнейших обзоров сделан вывод о том, что хотя социальную тревожность традиционно связывали с дефицитами в области межличностного познания, эмпирически большей частью исследователей обнаруживается устойчивая связь ее со снижением внутриличностного познания, а в некоторых работах, напротив, выявляется усиление межличностного познания у респон-

дентов, для которых характерен высокий уровень социальной тревожности [O'Toole et al., 2013]. Ранее было показано, что при худшем, чем для людей с низкими уровнями социальной тревожности, уровне распознавания негативных эмоций по выражению глаз высокотревожные участники эксперимента не показали снижения возможности интерпретаций социальных ситуаций и даже, напротив, были склонны задумываться об эмоциях других людей, о смыслах их действий [Hezel, McNally, 2014]. В другом исследовании, напротив, женщины с высокой социальной тревогой лучше различали эмоции по выражениям глаз [Sutterby et al., 2012]. Создается впечатление, что люди с высокой социальной тревожностью склонны концентрироваться на распознавании своего и чужого состояния, что может быть следствием их собственной врожденной высокой чувствительности и последующей уязвимости или наличия травматического опыта, который делает важным контроль состояния других людей (например, проявление родителями непоследовательности в воспитании, импульсивной агрессии к ребенку). Это в определенной степени антонимично тревоге, возникающей, например, у людей с расстройствами аутистического спектра – неуверенность возникает не из-за непонимания происходящего, а из-за слишком опасливого отношения к нему [Никитина, 2014].

С помощью корреляционного анализа по Спирмену на общей выборке выявлены взаимосвязи показателей саморегуляции поведения и эмоционального интеллекта с компонентами социальной тревожности. Гибкость саморегуляции обратно связана с рядом компонентов социальной тревожности: тревогой быть в центре внимания ($r = -0,6; p < 0,001$), склонностью к постситуативным размышлениям и желанием преодолеть тревогу в экспертных ситуациях ($r = -0,6; p < 0,001$), тревогой при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля ($r = -0,62, p < 0,001$). Мы можем полагать, что эта характеристика саморегуляции обратно связана с социальной тревожностью в целом.

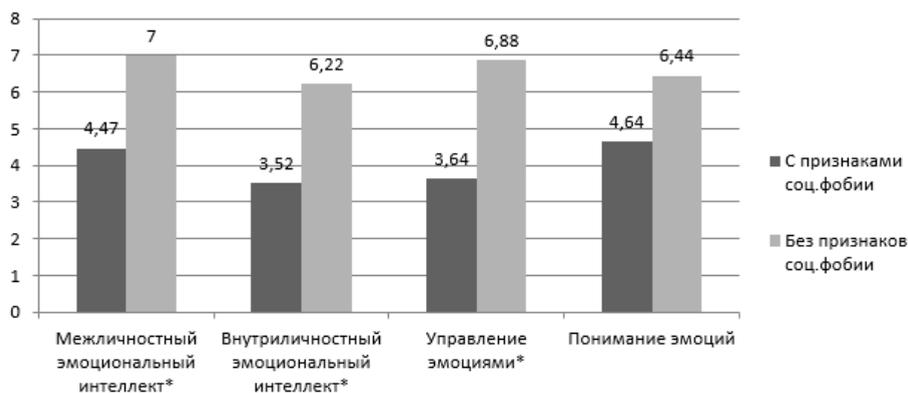

Рис. 2. Средние значения компонентов эмоционального интеллекта у молодых людей с низкой и умеренной и с высокой социальной тревогой. $*p < 0,05$

Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля обратно связана с моделированием поведения, т. е. способностью учитывать условия при программировании и модификации поведения, выделять значимые условия достижения целей в текущей ситуации и в планируемом будущем ($r = -0,46$, $p < 0,01$). По всей видимости, именно готовность к проявлению инициативы требует хорошего понимания условий деятельности и их динамики, а проблемы в этой области вызывают тревогу. Для шкалы программирования поведения связей с разными компонентами социальной тревожности не обнаружено, что указывает на то, что интегральный результат увеличения показателей этой шкалы у молодых людей с высоким уровнем социальной тревожности равномерно распределен по разным ее компонентам.

Управление эмоциями в структуре обратного интеллекта обратно связано со сдержанностью в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирования признаков тревоги в экспертных ситуациях ($r = -0,45$, $p = 0,006$) и тревогой при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля ($r = -0,47$, $p = 0,003$). Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях демонстрируют обратную связь с межличностным эмоциональным интеллектом ($r = -0,46$, $p = 0,004$). Не исключено, что к руминациям склонны те, кто считает свою способность понимать социальные ситуации недостаточной. В свою очередь, руминации могут отвлекать от реальных ситуаций взаимодействия, провоцировать рассуждения о разных ситуациях по одному шаблону, что делает коммуникацию менее успешной и повышает уровень тревоги.

В целом разнонаправленные связи компонентов социальной тревоги с аспектами саморегуляции подтверждают гипотезу о том, что сама по себе она представляет собой неоднородный конструкт и, возможно, формирование разных ее компонентов связано с различными компонентами [Никитина, 2014].

Заключение

Социальная тревожность представляет собой сложный феномен, связанный у молодых людей со снижением способности к гибкой саморегуляции поведения и возможности управлять своими и чужими эмоциями. Высокая социальная тревожность молодых людей также связана с увеличением программирования поведения, что может указывать на формирование специфических механизмов контроля социальных ситуаций на фоне снижения возможностей оперативного изменения своих действий в них. Уменьшения понимания и своих и чужих эмоций молодые люди с высокой социальной тревожностью не отмечают, что, учитывая наличие у них растерянности, неуверенности в эмоциональных ситуациях, по всей видимости, говорит о возникновении социальной

тревоги вследствие высокой чувствительности к социальным стимулам, действия собственных неблагоприятных прогнозов развития социальных ситуаций, но не дефицита распознавания их эмоциональной составляющей.

Список литературы

Короленко Ц. П., Шпикс Т. А., Турчанинова И. В. Спектры психических переживаний: норма и патология. Новосибирск: Немо Пресс, 2021. 284 с.

Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические / Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков (ред.). Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 264–278.

Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М.: Когито-Центр, 2004. 41 с.

Мякотин И. С. Особенности идентичности при социальной фобии // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3. С. 35–43.

Никитина И. В. Социальная тревожность и социальное познание (обзор зарубежных исследований) // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 4. С. 65–79.

Прашко Я., Можны П., Шлепецьки М. Когнитивно-бихевиоральная терапия психических расстройств. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 1072 с.

Прилепских О. С. Социальная тревожность и ее влияние на межличностные отношения в юношеском возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-2. С. 135–141.

Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Социальные страхи и социофобии. Томск: Том. гос. ун-т, 2007. 210 с.

Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Опросник социальной тревоги и социофобии // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 4 (15). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Роль руминаций и самофокусировки внимания в формировании и поддержании социального тревожного расстройства (социофобии) // Теоретические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии. 2013. Т. 33. С. 87–90.

Сагалакова О. А., Труевцев Д. В., Стоянова И. Я., Терехина О. В., Шухлова Ю. А. Социальная тревога в подростковом и юношеском возрасте в контексте психологической безопасности // Вопросы психологии. 2016. № 6. С. 63–75.

Coupland N. J. Social phobia: etiology, neurobiology, and treatment // Journal of Clinical Psychiatry. 2001. Vol. 62. P. 25–35.

Gabbard G. O. Psychodynamics of panic disorder and social phobia // Bulletin of the Menninger Clinic. 1992. Vol. 56, № 2. P. 56–66.

Helsel P. B. Social phobia and the experience of shame: childhood origins and pastoral implications // *Pastoral Psychology*. 2005. Vol. 53, № 6. P. 535–540.

Hezel D. M., McNally R. J. Theory of Mind Impairments in Social Anxiety Disorder // *Behavior Therapy*. 2014. Vol. 45. P. 530–540. DOI: 10.1016/j.beth.2014.02.010

Maričić A., Štambuk M. The Role of loneliness in the relationship between social anxiety and subjective well-being: Using the social phobia Inventory (SPIN) as a measure // *Društvena istraživanja: časopis za opća društvena pitanja*. 2015. Vol. 24, № 3. P. 407–426.

O'Toole M. S., Hougaard E., Mennin D. S. Social anxiety and emotion knowledge: A meta-analysis // *Journal of Anxiety Disorders*. 2013. Vol. 27. P. 98–108. DOI: 10.1016/j.janxdis.2012.09.005

Spurr J. M., Stopa L. Self-focused attention in social phobia and social anxiety // *Clinical psychology review*. 2002. Vol. 22, № 7. P. 947–975. DOI: 10.1016/s0272-7358(02)00107-1

Stravynski A., Bond S., Amado D. Cognitive causes of social phobia: A critical appraisal // *Clinical Psychology Review*. 2004. Vol. 24, №. 4. P. 421–440. DOI: 10.1016/j.cpr.2004.01.006

Sutterby S. R., Bedwell J. S., Passler J. S., Deptula A. E., Mesa F. Social anxiety and social cognition: The influence of sex // *Psychiatry Research*. 2012. Vol. 197. P. 242–245. DOI: 10.1016/j.psychres.2012.02.014

References

Korolenko, C. P., Shpiks, T. A., & Turchaninova, I. V. (2021) *Spectra of mental experiences: norm and pathology*. Novosibirsk, Nemo Press publ., 284 p. (in Russ.)

Ljusin, D. V. (2006) Questionnaire on emotional intelligence EmIn: new psychometric / D. V. Ljusin, D. V. Ushakov (Eds.) *Social and emotional intelligence: from processes to measurements*. Moscow, Institute of Psychology RAS publ., 264–278. (in Russ.)

Morosanova, V. I. (2004) *Style of Behavior Self-Regulation Questionnaire: Guidance*. Moscow, Kogito-Centr publ., 41 p. (in Russ.)

Myakotin, I. S. (2017) Features of identity in social phobia. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3, 35–43. (in Russ.)

Nikitina I. V. (2014) Social anxiety and social cognition (a review of foreign studies). *Consultative psychology and psychotherapy*, 22(4), 65–79. (in Russ.)

Prashko, J., Mozny, P., & Shlepetsky, M. (2015) *Cognitive-behavioral therapy of mental disorders*. 1072 p. (in Russ.)

Prilepskikh, O. S. (2019) Social anxiety and its impact on interpersonal relationships in adolescence. *Problems of modern pedagogical education*, 64-2, 135–141. (in Russ.)

Sagalakova, O. A., & Truevtsev, D. V. (2007) *Social fears and sociophobia*. Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 210 p. (in Russ.)

Sagalakova, O. A., & Truevtsev, D. V. (2012) Questionnaire of social anxiety and sociophobia [Electronic resource]. *Medical psychology in Russia: electron. scientific. magazine*, 4 (15). URL: <http://medpsy.ru> (accessed date: 25.10.2023). (in Russ.)

Sagalakova, O. A., & Truevtsev, D. V. (2013) The role of ruminations and self-focusing of attention in the formation and maintenance of social anxiety disorder (social phobia). *Theoretical and applied problems of medical (clinical) psychology*, 13, 87–90. (in Russ.)

Sagalakova, O. A., Truevtsev, D. V., Stojanova, I. Ja., Terehina, O. V., & Shuhlova, Ju. A. (2016) Social anxiety in adolescence and youth in the context of psychological safety. *Voprosy psihologii*, 6, 63–75. (in Russ.)

Coupland, N. J. (2001) Social phobia: etiology, neurobiology, and treatment. *Journal of Clinical Psychiatry*, 62, 25–35.

Gabbard, G. O. (1992) *Psychodynamics of panic disorder and social phobia. Bulletin of the Menninger Clinic*, 56, 2, 56–66.

Helsel, P. B. (2005) Social phobia and the experience of shame: childhood origins and pastoral implications. *Pastoral Psychology*, 53, 6, 535–540.

Hezel, D. M., & McNally, R. J. (2014) Theory of Mind Impairments in Social Anxiety Disorder. *Behavior Therapy*, 45, 530–540. DOI: 10.1016/j.beth.2014.02.010

Maričić, A., & Štambuk, M. (2015) The Role of loneliness in the relationship between social anxiety and subjective well-being: Using the social phobia Inventory (SPIN) as a measure. *Društvena istraživanja: časopis za opća društvena pitanja*, 24, 3, 407–426.

O'Toole, M. S., Hougaard, E., & Mennin, D. S. (2013) Social anxiety and emotion knowledge: A meta-analysis. *Journal of Anxiety Disorders*, 27, 98–108. DOI: 10.1016/j.janxdis.2012.09.005

Spurr, J. M., & Stopa L. (2002) Self-focused attention in social phobia and social anxiety. *Clinical psychology review*, 22, 7, 947–975. DOI: 10.1016/s0272-7358(02)00107-1

Stravynski, A., Bond, S., & Amado, D. (2004) Cognitive causes of social phobia: A critical appraisal. *Clinical Psychology Review*, 24, 4, 421–440. DOI: 10.1016/j.cpr.2004.01.006

Sutterby, S. R., Bedwell, J. S., Passler, J. S., Deptula, A. E., & Mesa, F. (2012) Social anxiety and social cognition: The influence of sex. *Psychiatry Research*, 197, 242–245. DOI: 10.1016/j.psychres.2012.02.014

Информация об авторах

Анастасия Игоревна Перевозник, студентка Новосибирского государственного медицинского университета

Юлия Викторовна Сарычева, кандидат медицинский наук, доцент Новосибирского государственного медицинского университета

Елена Алексеевна Дорошева, кандидат биологических наук, доцент Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института нейронаук и медицины
Scopus Author ID 6504158742
Author ID RSCI 95192

Information about the Author

Anastasiya I. Perevoznik, Student, Novosibirsk State Medical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Yulia V. Sarycheva, PhD, Associate Professor, Novosibirsk State Medical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Elena A. Dorosheva, PhD, Associate Professor, Novosibirsk State University; Senior Researcher, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 6504158742
AuthorID RSCI 95192

Материал поступил в редколлегию 08.09.2023

The article was submitted 08.09.2023